

**Алена Махонинова**

## **«Всеволод Некрасов и его круг»: чешские публикации шестидесятых годов о лианозовской группе**

«Чешскую историю» лианозовской группы можно отсчитывать чуть ли не от самого начала ее существования, когда она еще не носила никакого имени и была просто небольшим кругом друзей и единомышленников. Данная статья представляет в как можно более полном объеме публикации лианозовских авторов в официальной чехословацкой печати шестидесятых годов, ставшие возможными прежде всего благодаря тогдашнему послаблению цензуры и открытой атмосфере, прекратившейся (как и лианозовские публикации) с концом Пражской весны и вводом войск варшавского договора в Чехословакию. Статья является не столько перечнем печатных изданий, сколько попыткой исследовать способ подачи этой «неожиданной», «другой» русской литературы чешскому читателю и затрагивает при этом также качество и стиль перевода отдельных стихотворений (в основном Всеволода Некрасова) на чешский язык.

### **«Tvář» 1964/1**

Первым пропагандистом авторов лианозовской школы в Чехословакии стал поэт и литературный критик Антонин Броусек (1941–2013), опубликовавший в 1964 году 5 стихотворений Всеволода Некрасова в 1-ом номере только что основанного художественного и общественно-критического ежемесячника Союза чехословацких писателей «Tvář» (Лицо) – журнала, который вскоре стал трибуной интеллектуалов, критически настроенных против правивших властей и вопреки цензуре отстаивающих право на неидеологическую литературу<sup>1</sup>. Переводы сопровождались небольшой заметкой Броусека о Некрасове, озаглавленной «Uvedení do Vsevoloda Někrasova» (Введение в Всеволода Некрасова), в которой упоминались и другие будущие лианозовцы, в основном художники и один поэт с искаженной фамилией – Хулин, т.е. Игорь Холин. О лианозовцах Броусек в своей заметке заговорил, отмечая важнейшее

---

<sup>1</sup> Журнал выпускало издательство Чехословацкий писатель тиражом 5000 экземпляров. В 1965 году журналу пришлось прекратить свое существование из-за нежелания членов редакции идти на компромиссы и соглашаться с требованием изменить свой состав. Журнал был возобновлен в 1968 году и просуществовал до 1969 года, когда был закрыт в связи с начавшейся «нормализацией». Подробнее см. в онлайн Словаре чешской литературы после 1945 года Института чешской литературы Академии наук Чешской Республики – Slovník české literatury po roce 1945. <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=231>

свойство Некрасова – как человека и как автора – никому принципиально не принадлежать:

*Двадцатисемилетний Некрасов никогда никому не принадлежал. <...> Всеволод Некрасов никогда не принадлежал ни литературе. Ни меценатам. Ни скучающим интеллектуалам. Только себе и своим друзьям. Это в основном молодые художники <...> Впрочем, почти все их имена можно найти в посвящениях его стихов – Кропивницкий (мл.), Рабин, Вечтомов, Хулин (Холин – примечание А.М.), Вейсберг и др.<sup>2</sup>*

Рядом с заметкой помещены стихи, служащие словно доказательством тезиса о принадлежности Некрасова исключительно своему немногочисленному кругу. Под заглавием «Je mi zcela jasné, jak je to se zájmeny» (Все ясно с местоимениями) напечатан перевод стихотворения из некрасовского самиздатского сборника «Геркулес», подготовленного Иваном Ахметьевым<sup>3</sup>. Точнее, перевод одного из его более ранних вариантов, в котором после вопроса: «Ты?» Следует робкий ответ: «Я...» И после следующего вопроса: «Вы?» Уже уверенное восклицание: «МЫ!».

*ВСЕ ЯСНО С МЕСТОИМЕНИЯМИ*

*Je mi zcela jasné, jak je to se zájmeny*

*Ты?*

*TY?*

*Ты*

*JÁ...*

*Вы?*

*VY?*

*Вы*

*MY!*

*Много вас*

*Vás je hodně*

*А мы одни*

*My jsme sami*

*My jsme sami*

*Мы одни – одни мы*

*Sami jsme*

*Все свои*

*Všichni sví*

*Все мои*

*Všichni mí*

<sup>2</sup> Brousek, Antonín: Uvedení do Vsevoloda Někrasova. // Tvář 1964/1, s. 39. Здесь и далее перевод с чешского Алены Махониновой.

<sup>3</sup> См. «Геркулес». Самиздатское собрание стихов В.Н. Некрасова, подготовленное Иваном Ахметьевым в начале 80-х годов. <http://vsevolod-nekrasov.ru/layout/set/print/Tvorchestvo/Samizdatskie-poeticheskie-sborniki.-Ne-publikovavshiesya-zavershennye-ili-otnositel-no-zavershennye-stihi/GERKULES/VSE-YASNO-S-MESTOIMENIYAMI>

Все те «МЫ», которые хоть и «одни», но «свои», «мои», тогда еще официально не назывались ни лианозовской группой, ни школой, ведь это стихи конца пятидесятих, начала шестидесятих годов<sup>4</sup>. Хотя, согласно легенде, само название тогда уже существовало, впервые прозвучавши, когда Евгения Кропивницкого исключали из Союза художников, обвиняя его в формализме и организации лианозовской группы<sup>5</sup>.

Стихотворение «Все ясно с местоимениями» станет в тогдашнем чешском контексте для Некрасова словно визитной карточкой. Оно станет метафорическим обозначением пока еще безымянной группы, воспринимаемой таким образом как своеобразный «некрасовский круг» – ведь это был именно Некрасов, кто своих чешских знакомых посвящал в творчество будущих лианозовских художников.

Помимо этого стихотворения в первую чешскую подборку включено стихотворение «И я про космическое» – правда, с весьма сдвинутым значением, так как чешское название – «I já jsem pro dobývání kosmu» – в обратном переводе звучало бы скорее как «И я за захват космоса» или, в более мягком варианте, «И я за завоевание космоса». И из-за того, что перевод стремится к рифме, хотя ее в оригинале нет, сдвигается и смысл первых четырех строк. Первая строка уточняет ответ на вопрос «Poletím?» (Полечу или нет...), добавляя к сказанному ради рифмы: «Už dneska je nával» (Уже сегодня масса желающих). Из стихотворения на том же основании выпадает город Казань, в котором Некрасов находился вместе с родителями в эвакуации<sup>6</sup>, и вместо этого он оказывается «U tety» (У тети).

*И Я ПРО КОСМИЧЕСКОЕ*

*Полечу или нет – не знаю  
До луны или до звезды  
Но Луну я пробовал на язык  
В сорок первом году в Казани*

*Затмение  
Война*

*I JÁ JSEM PRO DOBÝVÁNÍ KOSMU*

*Poletím? Nevím. Už dneska je nával  
Na Lunu, na hvězdné planety.  
Mně stačí, že jsem už dávno lunu ochutnával  
V jednačtyřicátém. U tety.*

*VÁLKA  
ZATEMNĚNÍ*

<sup>4</sup> Согласно Михаилу Сухотину, ранняя редакция этого стихотворения датирована 1961 годом. См. Сухотин, Михаил: Датировка стихов Вс. Некрасова периода «Геркулеса». И некоторые замечания к вопросу о понятии качества для него в связи с этим. // [http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/dat\\_nekrasov.html](http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/dat_nekrasov.html)

<sup>5</sup> См. Кулаков, Владислав: Лианозово: История одной поэтической группы. // Кулаков, Владислав: Поэзия как факт. Москва: Новое литературное обозрение 1999, с. 11.

<sup>6</sup> О своем детстве Некрасов вспоминает, например, в интервью с Ириной Врубель-Голубкиной. См. Некрасов, Всеволод: «Искусство – это конкурс продуктов...». // Врубель-Голубкина, Ирина: Разговоры в зеркале. Москва: Новое литературное обозрение 2014, с. 148–168.

<i>Тем не менее</i>	<i>(jenom luna není)</i>
<i>Луна</i>	<i>BÍLÝ SVIT</i>
<i>Белый</i>	<i>BÍLÝ SNÍH</i>
<i>Цвет</i>	<i>BÍLÝ CHLEBA</i>
<i>Белый</i>	<i>(který není)</i>
<i>Снег</i>	<i>NIKDE</i>
<i>Белый</i>	<i>ŽÁDNÝ</i>
<i>Хлеб</i>	<i>NENÍ</i>
<i>Которого нет</i>	
<i>Никакого</i>	
<i>Нет</i>	

<i>Я давным-давно вернулся в Москву</i>	<i>Už dávno jsem se vrátil do Moskvy.</i>
<i>Я почти каждый день обедаю</i>	<i>Už skoro každý den obědvám.</i>
<i>А на вид луна была вкусная</i>	<i>(Napohled byla luna k nakousnutí.</i>
<i>А на вкус луна была белая</i>	<i>A na chuť byla – BÍLÁ.)</i>

Такого рода небольшие сдвиги значения мы наблюдаем практически во всех опубликованных здесь переводах Броусека, подчеркивающих прежде всего формальную сторону Некрасовской поэзии. Самым ярким примером этой тенденции является перевод стихотворения «Про одного гада» – т.е. про мерзкого, отвратительного человека. Однако это значение уходит в переводе на второй план. Читатель, словно змея (а именно, это первичное значение чешского слова «had», которое в переносном смысле можно воспринимать так же, как ругательство коварного человека), загипнотизирован повтором и убеждается в том, что «... многократный повтор неизбежно выводит в визуальность»<sup>7</sup>. Именно ее акцентирует перевод в ущерб значению.

*ПРО ОДНОГО ГАДА*

*ČASTUŠKA O JEDNOM HADU*

*Гад и гад и гад и гад  
И гад и гад и гад и гад  
И гад и гад и гад и гад  
Гад и гад –  
И так и так!*

*HAD a HAD a HAD a HAD  
a HAD a HAD a HAD a HAD  
a HAD a HAD a HAD a HAD  
Ajlália je to tak.*

<sup>7</sup> Некрасов, Всеволод: Объяснительная записка. // Справка. Москва: PS 1991, с. 38.

В небольшом «Введении в Всеволода Некрасова», сопровождающем переводы, Антонин Броусек представляет чешскому читателю автора стихов и его контекст, начиная с объяснения некоторой путаницы в русских писателях, носивших фамилию Некрасов:

*Это не опечатка, и они даже не родственники. У них всего лишь одинаковая фамилия. В подсознании у чешских читателей пока два Некрасова. И у Всеволода Некрасова есть что-то общего с обоими<sup>8</sup>.*

Это объяснение переключает в последующие публикации, как и путаница в датах, которую создал уже сам Броусек, представляя читателям двадцатисемилетнего поэта. Однако, к моменту выпуска первого номера журнала «Tvář» Некрасову было уже 29 лет, почти 30. И, вероятнее всего, старше 27 он был и во время своей первой встречи с Броусеком, так как тот в интервью пражскому журналу «Babylon» (Вавилон) в 2005 году рассказал:

*Я познакомился с ним (Всеволодом Некрасовым – примеч. А.М.) в Москве таким же путем, каким со всеми местными чего-нибудь стоящими людьми. То есть благодаря Виктору Некрасову <...>. Когда я в 1963 году впервые отправился в Москву, Виктор Некрасов как раз находился в Париже и оставил для меня на столе адреса всех своих друзей, с этого момента все и началось. Тогда же меня и предупредили о существовании Всеволода Некрасова. Впервые я с ним встретился год спустя<sup>9</sup>.*

Согласно этому утверждению, знакомство Броусека с Некрасовым состоялось только в 1964 году, т.е. в том же году, в котором появилась и первая чешская публикация Некрасова. Однако, учитывая то, что 1-ый номер журнала «Tvář» вышел уже 25 января 1964 года, следует предположить, что первая встреча русского поэта с его чешским переводчиком произошла все-таки раньше.

---

<sup>8</sup> Brousek, Antonín: Uvedení do Vsevoloda Někrasova. // Tvář 1964/1, s. 39.

<sup>9</sup> Machonin, Jan: „Lépe jsem se cítil v podzámčí“: Rozhovor Babylonu s básníkem, překladatelem a literárním kritikem Antonínem Brouskem. // Babylon 2005/5–6, s. 5.

Важнее этих расхождений в датах для «чешской истории» лианозовской группы, естественно, слова, которые Броусек в данном интервью добавляет относительно самой поэзии Некрасова и его лианозовских соратников:

*Меня поразила его экспериментальная поэзия. До того времени мои представления ограничивались клише, что среди современных авторов самыми интересными являются Евтушенко и Вознесенский, что помимо них ничего больше не существует. Благодаря Всеволоду Некрасову я вдруг узнал о существовании чего-то совершенно другого. Я этим полностью загорелся. Для меня открылся абсолютно другой взгляд на русскую литературу. <...> Именно это настоящая русская литература, которой мы должны интересоваться<sup>10</sup>.*

Похожие слова прозвучали и раньше, в уже упомянутом «Введении в Всеволода Некрасова», в котором Броусек писал:

*Поэзия Всеволода Некрасова неожиданная. Это вдруг ни с того ни с сего что-то совершенно другое, чем то, что я знаю из творчества его сверстников<sup>11</sup>.*

### **«Student» 1966/14**

Восторг от существования этой «неожиданной», «другой» русской литературы, литературы, «которую мы знаем совсем немного, и о которой мы собственно только догадываемся»<sup>12</sup>, присутствует и в последующих публикациях, инициатором которых выступил однокурсник Броусека, журналист и литератор Пржемысл Веверка (1940–2016). Сразу после своего посещения Москвы в феврале 1966 года Веверка на страницах еженедельной газеты Чехословацкого союза молодежи «Student» (Студент)<sup>13</sup> опубликовал своеобразный поэтический отчет о своей поездке – «Procházka poetickými krajínami» (Прогулка по поэтическому ландшафту)<sup>14</sup>, который на долгое время останется единственной попыткой представить чехословацкой публике почти весь круг поэтов и художников, позднее ставший лианозовской группой<sup>15</sup>.

<sup>10</sup> Machonin, Jan: „Lépe jsem se cítil v podzámčí“: Rozhovor Babylonu s básníkem, překladatelem a literárním kritikem Antonínem Brouskem. // Babylon 2005/5–6, s. 5.

<sup>11</sup> Brousek, Antonín: Uvedení do Vsevoloda Někrasova. // Tvář 1964/1, s. 39.

<sup>12</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajínami. // Student 1966/14, s. 4.

<sup>13</sup> Эта еженедельная общегосударственная газета выходила с 1965 по 1968 год тиражом 30 000 экземпляров, и Чехословацким союзом молодежи она была задумана как противовес слишком свободным журналам отдельных университетов и факультетов.

<sup>14</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajínami. // Student 1966/14, s. 4–5.

<sup>15</sup> После 1968 года и наступления эпохи «нормализации» первые публикации, посвященные авторам лианозовской школы, станут появляться только в 90-е годы. Полный список см. Machonin, Jan – Machoninová, Alena (ed.): Zloději všedních okamžiků. Antologie poezie básníků lianozovské školy. Praha: Arbor vitae 2015, s. 281–282.

В роли проводника Веверки по этому поэтическому ландшафту выступает Всеволод Некрасов в серой, по словам автора, футуристической кепке. Своего подопечного он, естественно, уводит в «свой» и, как отмечается в статье, «весьма закрытый» круг друзей, о котором Веверка в самом начале своего репортажа напишет:

*В небольшом помещении недалеко от столичного центра, но все-таки уже на периферии <...> топчется рассеянный парень и с отсутствующим взглядом отрывисто рассказывает основные сведения о Рабине, Немухине, Кропивницком. – Потому что в этом помещении находится ряд оригиналов, о цене которых нет сомнения. Однако намного больше их в квартире недалеко отсюда, она переполнена этими художниками, они на стенах, на шкафах, под столом...<sup>16</sup>.*

Что конкретно квартиры Некрасов с Веверкой тогда, зимой 1966 года, посетили, не уточняется. В письме Всеволоду Некрасову от 26 апреля 1966 года, которое Веверка прилагает к свежему выпуску газеты «Student» со своим московским репортажем, говорится только, что рассказ идет о двух друзьях, «которых мы посетили во время нашей первой встречи»<sup>17</sup>. Репортаж продолжается рассказом о посещении воскресной выставки на квартире Оскара Рабина (скорее всего уже не в Лианозово, а в Москве – ведь идет 1966 год и Рабин перебрался в Москву годом раньше<sup>18</sup>) и описанием его картин (и также графических листов Валентины Кропивницкой):

*Я гуляю в крае куполов и луковиц, в крае неотесанных бараков и шатающихся улочек, в крае водок, рыб и рублей, в крае труб, христовов и подъемных кранов... А прежде всего: Я гуляю в крае дисгармонии и вражды между суровым, строгим и сконструированным порядком картины и неустойчивостью, которая всегда обладает скорее человеческими, чем какими-либо другими признаками<sup>19</sup>.*

В заключение своего рассказа Веверка снова прибегает к строкам «Все свои / Все мои» из некрасовского стихотворения «Все ясно с местоимениями». Он выводит их в подзаголовок, чтобы чешскую публику хотя бы поименно познакомить со всеми лианозовскими художниками:

---

<sup>16</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajinami. // Student 1966/14, s. 4.

<sup>17</sup> Пржемысл Веверка Всеволоду Некрасову, 26 апреля 1966 года, личный архив Всеволода Некрасова.

<sup>18</sup> См. Недель, Аркадий: Оскар Рабин: Нарисованная жизнь. Москва: Новое литературное обозрение 2012, с. 112.

<sup>19</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajinami. // Student 1966/14, s. 4.

*Помимо О. Рабина и его жены В. Кропивницкой, ее брата Л. Кропивницкого, их родителей Е. Кропивницкого и О. Потаповой, помимо Н. Вечтомова к этой же группе принадлежит и супружеская пара художников – В. Немухин и Л. Мастеркова<sup>20</sup>.*

Репродукции картин почти всех перечисленных художников будущей лианозовской группы заполняют весь 14 номер еженедельника «Student» за 1966 год: на второй странице репродукция картины «Полет» Николая Вечтомова, на третьей «Один рубль» Оскара Рабина, на четвертой его же «Автопортрет с женой» и «Огонь» Владимира Немухина, на пятой две картины Валентины Кропивницкой – «Белые звери» и «Вечерний колокол».

В этой связи необходимо отметить, что три рисунка Владимира Немухина, его иллюстрации к Бабелю, были чешским читателям представлены уже в 1964 году в статье Душана Конечного о советских молодых книжных графиках, опубликованной в третьем номере журнала «Knižní tvorba» (Книжное творчество). О Немухине в ней говорилось как об одном из самых талантливых и самых оригинальных рисовальщиков, который, однако, по словам автора статьи, в живописи занимается «посредственным и малоинтересным ташизмом»<sup>21</sup>. Статью Конечного в своем репортаже упоминает также Веверка, описывая, как во время встречи с Немухиным он переводил ему некоторые отрывки, однако сам о его картинах выражается намного доброжелательнее Конечного:

*Из Немухина меня заинтересовала прежде всего монотематическая серия с картами, своеобразные цветные вариации на всю карточную игру, невероятно сосредоточенные и эффектные. Немухин среди своих карт бесспорно является королем: он стоит высоко над материалом и обдуманно организует его непредвзятым взглядом<sup>22</sup>.*

Из будущих лианозовских поэтов на страницах еженедельника «Student» естественно представлен московский проводник Веверки – Всеволод Некрасов, в переводе Антонина Броусека. Снова опубликовано для чешских читателей ставшее уже программным стихотворение «Все ясно с местоимениями», однако со слегка измененным началом – местоимения поменялись местами и акценты расставлены по-другому – упор делается не на «я/мы», а – на «ты/вы»:

---

<sup>20</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajinami. // Student 1966/14, s. 5.

<sup>21</sup> См. Konečný, Dušan: Mladí sovětsí grafici. // Knižní tvorba 1964/3, s. 106.

<sup>22</sup> Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajinami. // Student 1966/14, s. 5.

*Je mi zcela jasné, jak je to se zájmeny*

*Já?*

*Ty!*

*My?*

*Vy!*

*Vás je hodně*

*My jsme sami*

*My jsme sami*

*Sami jsme*

*Všichni svi*

*Všichni mí*

Является ли этот сдвиг намеренным или это случайная опечатка, к сожалению, не известно.

Второе здесь опубликованное стихотворение Некрасова в чешском переводе озаглавлено словом «Blues» (Блюз). Это перевод стихотворения, в оригинале не имеющего названия, начальные строки которого звучат «Пока вот так / Вот так и живем».

*Blues*

*Пока вот так*

*Вот так и живем*

*Этаж*

*За этажом*

*Этаж*

*За этажом*

*И ночью так же*

*И так же днем*

*Tak*

*zatím je to tak*

*jentaktak*

*A tak*

*krok za krokem*

*šlapem za štokem štok*

*štok za štokem*

*A v noci*

*zrovna tak*

*A den –*

*Со снегом дождь  
А то  
Снег с дождем*

*nejeden den  
Bud' je před sluncem mrak  
anebo  
slunce je za mrakem*

Броусек в своих переводах Некрасова часто пытается досказать даже то, о чем в них намеренно умалчивается. Названия, как мы еще увидим, являются его толкованием стихов, подготовкой читателя к их прочтению в заданном ими ключе.

В «Студенте» представлены стихи еще одного лианозовца – Яна Сатуновского. В переводе Веверки напечатано его стихотворение номер 60 1946 года:

*А ну толкни меня –  
а так толкну, пожалуй,  
костей не соберешь.  
Те времена,  
когда меня любая мелочь обижала,  
а я молчал – те времена прошли,  
прошли давным-давно,  
что было – все прошло.*

*Jen do mne klidně strč –  
Možná, že kosti neposbíráš  
Až strčím já.  
Čas,  
Kdy mně kdejaká fena ubližovala,  
Aniž bych vzdych – ten čas je pryč.  
Všechno je dávno, dávno pryč,  
Co bylo kdysi.*

*Я  
женщинам  
не уступаю места  
в трамвае.  
Постоят.  
Я сам устал как пес.  
Я хамом стал.  
Так, спрашивается, о чем тут хныкать?  
Смейся!*

*Ženám teď  
Neuvolňuji v tramvaji  
Místo.  
Ať postojí.  
Sám unaven jsem jak pes.  
Sprost'ák se ze mne stal  
A takto se ptá: Máme snad fňukat?  
Zbývá nám smích!*

На этом стихотворении поэтический круг Некрасова, представленный в газете «Student», заканчивается. Имя Сатуновского, к сожалению, ни в одной из частей репортажа Веверки о московском поэтическом ландшафте, не упоминается. Зато Сатуновский упоминает газету в своем письме Всеволоду Некрасову о чешском поэте, нобелевском лауреате, Ярославе Сейферте:

*... в войну я был в Чехословакии – в Праге, Кладно, Усти над Лабой и других местах. Очень люблю эту страну, там у меня друзья, которых я часто вспоминаю. Возможно, некоторые из них – родители теперешних читателей Studenta<sup>23</sup>.*

### «МУ» 1966/7

После довольно обширной публикации в газете «Student» Веверка получил предложение написать о Всеволоде Некрасове в ежемесячный журнал для студентов средних школ и детей подросткового возраста «МУ» (Мы), который, как и газету «Student», издавал Чехословацкий союз молодежи<sup>24</sup>. Об этом он сообщает Некрасову в письме от 26 июля 1966 года, отправляя ему уже свежий номер с новой чешской публикацией:

*Редакция этого журнала хотела, чтобы (после того, что я написал в нашей газете «Студент») я написал для них что-нибудь про поэта Всеволода Некрасова<sup>25</sup>.*

Таким образом, в июльском номере за 1966 год появилось 5 новых стихотворений Некрасова в переводе Броусека с небольшой заметкой Веверки. Автор в ней снова настойчиво напоминает о принадлежности Некрасова к замкнутому дружескому кругу художников (живописцев) и подчеркивает их следование футуризму и прежде всего Велимиру Хлебникову. В этой связи стоит отметить, что именно стремление Некрасова продолжать прерванную традицию стало очень важным моментом уже в случае его первой публикации в журнале «Tvář». Таким образом, он вписался в контекст нового чехословацкого журнала, так как во вступлении к его первому номеру мы читаем:

*В прошлую эпоху были прерваны многие литературные традиции и многие ценности были без разбора отвергнуты. Продолжать вводить их в культурный оборот мы не считаем одноразовым мероприятием, а видим одной из неотъемлемых сторон нашей журнальной деятельности<sup>26</sup>.*

---

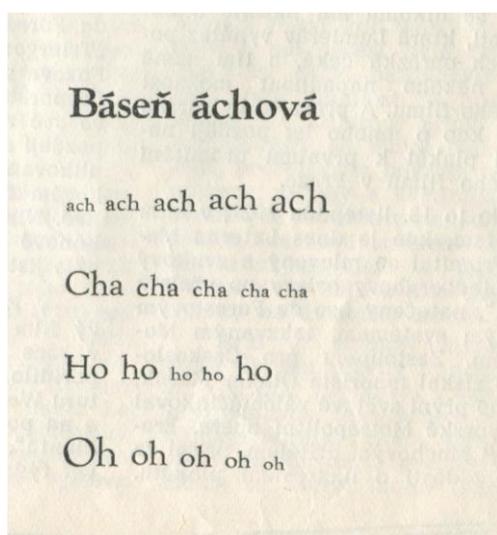
<sup>23</sup> Письмо Яна Сатуновского Всеволоду Некрасову, 28 августа 1966, личный архив Всеволода Некрасова.

<sup>24</sup> Этот культурно-политический журнал выходил с 1964 по 1969 год и издавался тиражом 100 000 экземпляров.

<sup>25</sup> Письмо Пржемысла Веверки Всеволоду Некрасову, 26 июля 1966, личный архив Всеволода Некрасова.

<sup>26</sup> Tvář Tváře. // Tvář 1964/1, s. 3.

Относительно переводов стихов Некрасова, напечатанных в журнале «МУ», надо отметить две особенности чешских публикаций, которые в меньшей мере проявились и в предыдущих. Во-первых, журнал «МУ» специально подчеркивал свое современное типографическое решение, и это отразилось также в стихах Некрасова, которые часто сами акцентируют свою визуальную сторону, выражающую, согласно автору, прежде всего пространственность живой речи<sup>27</sup>. Однако, что касается типографического оформления стихов в журнале «МУ», мы не имеем никакого свидетельства о его согласовании с автором. Тем не менее, оно весьма органично дополняет и развивает смысл стихов. Так, в «Аховых стихах» (Báseň áchová) увеличивающийся и уменьшающийся шрифт передает как будто усиливающийся и утихающий звук междометий, выражающих, с одной стороны, радостное удивление и, с другой – пренебрежительное несогласие и насмешку.



В стихотворении «Takové jitro / Takové jitro» слово «hora» (гора) словно горой поднимается над водой, над морем<sup>28</sup>.

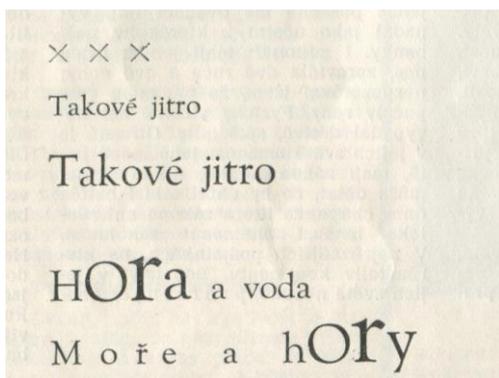
<sup>27</sup> См. Некрасов, Всеволод: Объяснительная записка. // Справка. Москва: PS 1991, с. 39.

<sup>28</sup> Перевод варианта стихотворение из Мариупольского цикла (1961–1962):

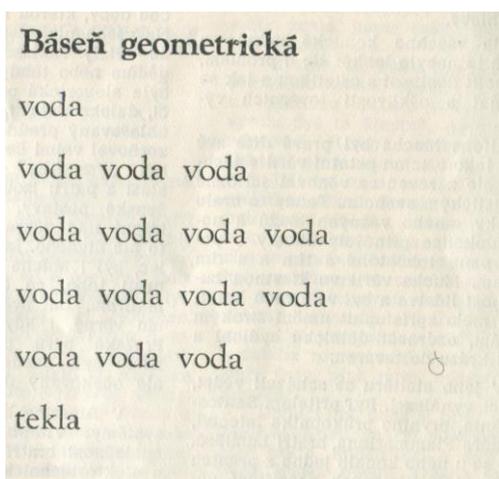
Какое утро / Какое утро // Гора и море / Моря и горы

В комментарии Михаила Сухотина к данному циклу говорится: «В стихотворении «Какое утро» 2 последние строки были переделаны (Земля и небо / Вода и море), и впоследствии оно вошло в таком виде в абхазский цикл авторского самиздатского сборника 1965 года Новые стихи Севы Некрасова». См. Сухотин, Михаил: Мариупольский цикл (1961–1962). <http://vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Samizdatskie-poeticheskie-sborniki.-Ne-publikovavshiesya-zavershennye-ili-otnositel-no-zavershennye-stihi/MARIUPOL-SKIJ-CIKL-1961-1962>

Однако переводчик исходил из другого варианта, в котором в последних двух строках слова: «Гора и вода / Море и горы».



Вода в «Стихах про всякую воду» течет на страницах журнала «МУ» медленно и весьма равномерно. Отдельные слова и строки этого конкретистского стихотворения настолько строго распределены в пространстве, что словно напрашивается чешское название стихотворения – «Báseň geometrická» (Геометрические стихи).



И в этой связи мы подходим ко второй особенности чешских публикаций Некрасова, которой мы уже коснулись, приводя стихи Некрасова, напечатанные в газете «Student». Почти всем стихам Некрасова в переводе даны заглавия, хотя это отнюдь не всегда соответствует оригиналу. Например, стихотворение, начинающееся строками «Утром у нас / Чай с солнцем» в переводе озаглавлено словами «Dopis z prázdnin» (Письмо из каникул). В название превратилось посвящение стихотворения начинающегося словами «За полями за лесами» – Евгению Кропивницкому и его жене Ольге Потаповой. Вероятнее всего, тексты Некрасова не имели таких названий даже в своих ранних вариантах<sup>29</sup>, в подлинниках, из которых переводил Броусек. Это, как уже

<sup>29</sup> За исключением стихотворения «Все ясно с местоимениями», которое позднее лишилось названия. См. напр. Некрасов, Всеволод: Лианозово. Москва: Век XX и мир 1999 и Некрасов, Всеволод: Живу вижу. Москва 2002.

отмечалось, скорее всего, следствие усилий переводчика в сжатой форме предварительно прояснить и приблизить чешскому читателю иностранный, «неожиданный» и «другой» текст, предлагаемый ему.

## **«Postavit vejce po Kolumbovi: poezie dvacátého století z celého světa» 1967**

Последней публикацией шестидесятых годов, в которую вошли 3 стихотворения Некрасова, является изданная в 1967 году антология современной поэзии «Postavit vejce po Kolumbovi: poezie dvacátého století z celého světa» (Поставить яйцо после Колумба: антология поэзии двадцатого века из всего мира), которую составили Антонин Броусек и поэт-конкретист Йосеф Гиршал. В антологии собрано около восьмидесяти поэтов из разных стран, объединенных, по словам составителей, общими принципами современной поэзии, тем, что она

*... динамична, неограниченна и непостижима, что условием ее существования является неповторимость, оригинальность, что она стремится быть вездесущей, быть в одном случае внимательной, точной и аккуратной, как хирург, и в другом – хоть убивать своих врагов ударами топора<sup>30</sup>.*

Стихи Некрасова включены в раздел «Коробка фантазии», который составители характеризуют следующим образом:

*В первый раздел «Коробка фантазии» мы включили стихи, которые просты, доступны и одновременно уже очень характерно отражают основные принципы современной поэзии<sup>31</sup>.*

Два из трех здесь представленных стихотворений Некрасова уже печатались раньше («Častuška o jednom hadu» в журнале «Tvář», «Báseň áchová» в журнале «MY»), единственным новым является перевод стихотворения «А вы слышали»:

*А вы слышали*

*Наверное вы не слышали*

*Už jste to slyšeli?*

*Ne to jste rozhodně ještě neslyšeli –*

---

<sup>30</sup> Brousek, Antonín –Hiršal, Josef: Ach, kam se jen poděly ty blahé, utěšené doby... // Postavit vejce po Kolumbovi: poezie dvacátého století z celého světa. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy 1967, s. 10.

<sup>31</sup> Brousek, Antonín –Hiršal, Josef: Ach, kam se jen poděly ty blahé, utěšené doby... // Postavit vejce po Kolumbovi: poezie dvacátého století z celého světa. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy 1967, s. 10–11.

<i>Ничего</i>	<i>holky – kdybyste to byly slyšely</i>
<i>Вы бы девочки</i>	<i>to už byste to dávno všechno</i>
<i>Узорами бы вышили</i>	<i>na kanavy vyšily</i>
<i>Кабы слышали</i>	<i>kdybyste tušily</i>
<i>А вы видели</i>	<i>Už jste to viděli?</i>
<i>Наверное вы не видели</i>	<i>Ne to jste rozhodně ještě neviděli –</i>
<i>Ничего</i>	<i>kluci – kdybyste to byli viděli</i>
<i>Вы ребята</i>	<i>to už byste dávno</i>
<i>Все бы стекла выбили</i>	<i>všechny okna vytloukli</i>
<i>Кабы видели</i>	<i>kdybyste prokoukli</i>

Все те периодические издания, в которых печатались стихи Некрасова и его круга, с концом Пражской весны, т.е. после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, прекратили свое существование. Вся эта «другая» и «неожиданная» литература, которой согласно Броусеку «нужно интересоваться», вынуждена была уйти в самиздат или тамиздат (и, естественно, не только русская), и сам переводчик Некрасова в 1969 эмигрировал в Германию. Некрасов с ним встретится только в декабре 1989 года в Гамбурге во время фестиваля немецкой и русской авангардной поэзии NIER UND DORT, о чем он напишет в своей «Дойче бух»:

*... в Гамбурге обнимаемся с Антонином Броусеком, ярким поэтом чешской «оттепели» и «Пражской весны», который перевел и напечатал мои стихи в N 1 [«Tvář»] («Лицо») за 64 год (фактически первая моя публикация), интересно, кстати, набором подчеркнув именно конкретную сторону стихов<sup>32</sup>.*

И также в письме своему американскому переводчику и пропагандисту Джеральду Янечку:

*... я же видел Антонина Броусека в Гамбурге. И не узнал, но только потому, что Антон теперь в усах, как Гавел. Без усов бы узнал сразу<sup>33</sup>.*

<sup>32</sup> Некрасов, Всеволод: Дойче бух, с. 68.

<sup>33</sup> Письмо Всеволода Некрасова Джеральду Янечку, 1990, личный архив Всеволода Некрасова.

Стихи Некрасова в Чехии в пространство официально издаваемой литературы вернутся только в девяностые годы (об их хождении в тамошнем самиздате нет никаких свидетельств). В 1993 году будут на титульном листе 44-го номера «Литературной газеты» в третий раз опубликованы «Аховые стихи» в переводе Броусека. Однако, в это время медленно начинается уже другая история, в которой некрасовский круг получает свое не просто название, а громкое имя и становится Лианозовской школой; современники постепенно превращаются в классиков, и их переводчиками и не менее восторженными пропагандистами становится другое поколение.

### Список использованной литературы

- Brousek, Antonín –Hiršal, Josef: Postavit vejce po Kolumbovi: poezie dvacátého století z celého světa. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy 1967.
- Brousek, Antonín: Uvedení do Vsevoloda Někrasova. // Tvář 1964/1, s. 38–39.
- Machonin, Jan – Machoninová, Alena (ed.): Zloději všedních okamžiků. Antologie poezie básníků lianozovské školy. Praha: Arbor vitae 2015.
- Machonin, Jan: „Lépe jsem se cítil v podzámčí“: Rozhovor Babylonu s básníkem, překladatelem a literárním kritikem Antonínem Brouskem. // Babylon 2005/5–6, s. 1, 5. Tvář Tváře. // Tvář 1964/1, s. 3.
- Veverka, Přemysl: Procházka poetickými krajinami. // Student 1966/14, s. 4–5.
- Veverka, Přemysl: Vsevolod Někrasov. // MÚ 1966/44, s. 44.
- Врубель-Голубкина, Ирина: Разговоры в зеркале. Москва: Новое литературное обозрение 2014.
- Кулаков, Владислав: Поэзия как факт. Москва: Новое литературное обозрение 1999.
- Недель, Аркадий: Оскар Рабин: Нарисованная жизнь. Москва: Новое литературное обозрение 2012.
- Некрасов, Всеволод: Дойче бух. Москва: Век XX и мир 1999.
- Некрасов, Всеволод: Живу вижу. Москва 2002.
- Некрасов, Всеволод: Лианозово. Москва: Век XX и мир 1999.
- Некрасов, Всеволод: Объяснительная записка. // Справка. Москва: PS 1991, с. 38–41.

Сухотин, Михаил: Датировка стихов Вс. Некрасова периода «Геркулеса». И некоторые замечания к вопросу о понятии качества для него в связи с этим.

[http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/dat\\_nekrasov.html](http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/dat_nekrasov.html)

Сухотин, Михаил: Мариупольский цикл (1961–1962). <http://vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Samizdatskie-poeticheskie-sborniki.-Ne-publikovavshiesya-zavershennye-ili-otnositel-no-zavershennye-stihi/MARIUPOL-SKIJ-CIKL-1961-1962>